

...В 1930 году на страницах газет появилась удивительная фотография: потрепанная записная книжка и карандаш. Это было все, что осталось от экспедиции шведского полярника Андреа. На карандаше была надпись: «Кохинор, Чешске Будейовице»...

Однажды представителю фабрики «Кохинор», прибывшему в Москву, позвонил архитектор Л.В. Андреев, руководитель известного сатирического ансамбля «Моспроект». Этот любительский ансамбль пожелал носить имя чехословацкой карандашной фабрики «Кохинор»...

Иржи Борек, чехословацкий журналист, Прага, 1953 г.

...С институтской скамьи дружат Игорь Покровский и Феликс Новиков. Учились на одном курсе. И сейчас работают в одной мастерской. У них уже немало «своих» домов, созданных ими в творческом содружестве с архитекторами старшего поколения. В 460-квартирном доме на Госпитальном валу живут металлурги «Серпа и молота», два десятиэтажных корпуса строятся на Семеновской набережной. Новиков разрабатывает проект застройки Рубцовской набережной типовыми восьмизэтажными домами. Покровский занят планировкой и застройкой Заставы Ильича. Работы много. И все же это не мешает Игорю Покровскому быть «музыкальной душой» «Кохинора», а Феликсу Новикову — автором многих песен и басен. Сейчас ансамбль разучивает новую песенку «Канава».

Тут канава, там канава,
Можно голову сломать.
Не пора ли Моссовету
Эту песенку кончать.

«Вечерняя Москва», 1 февраля 1956 г.

...В Москве, в Концертном зале имени П.И. Чайковского состоялся необычный концерт — пели, читали стихи, показывали цирковые номера... архитекторы.

Сатирические ансамбли Центрального Дома архитектора «Кохинор» и «Рейшинка» отмечали свой юбилей. Им исполнилось 30 лет.

«Советская культура», 14 мая 1983 г.

...Вообще-то так долго не живут. Все-таки не совсем еще мы были в сказку превратили. Тем не менее сатирическому ансамблю московских архитекторов «Кохинор» нынче исполнилось 990 лет. Если сложить возраст всех восемнадцати остроумцев. А его подруге «Рейшинке» — женскому ансамблю — тем же способом и вовсе 1000 лет. «Рейшинка» — ровесница 1000-летия России, правда, включая и нацменьшинства.

Ничего себе «а ну-ка, бабушки, а ну-ка, девушки!» Таких крутых текстов даже Михаил Михайлович Жванецкий не всякий раз подряд себе позволяет. Юбиларов поздравила Наталия Леонидовна Дементьева, наш не совсем обычный, то есть с личным чувством юмора, министр культуры. Наталия Леонидовна прищурилась, а она это умеет, и сказала: «Знаете, с вами как-то полегче жить!».

Эдуард Графов,

«Вечерняя Москва», 16 июня 1998 г.

Сатирические ансамбли ЦДА «Кохинор» и «Рейшинка» стали легендой. А легенда и настоящая жизнь — вещи разные. В легенде все персонажи адаптированы для упрощенного восприятия. Солисты же этих ансамблей — не картонные герои русских сказок и былин. Они прежде всего разные люди, объединенные единым общественным движением. Я их всех знаю очень много лет и горячо люблю. Чтобы картонных персонажей превратить в объемных, живых людей, талант которых имеет много различных граней, я и вспоминаю эту историю. Все участники этой истории всегда обладали чувством юмора. Одних уже нет, другие, к счастью, живы. Надеюсь, что никто на меня не обидится, ибо мною руководило не желание насмешничать над ними, а искренняя к ним любовь.

В 1997 году Дом актера им. А.А. Яблочкиной широко отмечал свой 60-летний юбилей и славил своего директора Маргариту Александровну Эскину. Вся театральная Москва, за глаза, да и в глаза ласково называет ее Маргошей. Как у каждой женщины, у Маргоши есть слабость: она любит сатирические ансамбли «Кохинор» и «Рейшинку», знает по именам солистов. И в тот год «Кохинор» был приглашен в Дом актера и включен в список выступающих. В авторском коллективе прославленного ансамбля возникло замешательство: ему шел сорок третий год, а на сороковом году он устроил себе дурацкие похороны, расколовшие коллектив. Кто-то считал, что «умер, так умер». Вероятно, любые шуточки на похоронную тему наказуемы свыше — в «Кохиноре» стали происходить необратимые события. Ушел из жизни «мотор» ансамбля — Воля Косаржевский, а вслед за ним еще несколько лучших голосов. Тем не менее упустить возможность тряхнуть стариной перед театральным миром на юбилее, который был обречен на трансляцию по телевидению, не хотелось. Но новых идей не было, а трясти старьем не хотелось. Как-то я увидел по телевизору, как

Олег Газманов прыгает по сцене, здесь же маршируют голоногие девочки в киверах, а сзади стоит сводный хор и оркестр Минобороны. «Москва, звонят колокола!» — несется патристический припев, и ему подпевают мэры Москвы и все сопровождающие его лица в кепках. С огромным трудом я уговорил лидеров «Кохинора» переписать произведение, естественно, со словами, славящими не столько Москву, сколько Центральный Дом актера и Маргариту Александровну.

В качестве сюрприза мы упростили нашего старого друга, руководителя оркестра военно-дирижерского факультета Московской государственной консерватории, полковника Феликса Арановского тайком прибыть в Дом актера и неожиданно выйти на сцену на последний припев всем военным оркестром с золотыми трубами, тромбонами и валторнами. Этот неожиданный поворот принес нам успех и овации, а Маргарита Александровна наговорила нам массу лестных слов. В довершение успеха Катя Куфтырева преподнесла самолично нарисованную картину в раме. На картине, напоминавшей известное произведение Валентина Серова «Девочка с персиками», вместо девочки была изображена Маргоша. Этот подарок усилил успех нашего выступления настолько, что Маргарита Александровна пригласила «ограниченный контингент» ансамбля на традиционные «театральные посиделки», которые потом много лет транслировались по телевидению.

«Ограниченный контингент» на этот раз состоял из руководителя ансамбля Игоря Покровского, концертмейстера Александра Хейфеца, примадонны «Рейшинки» Риммы Алдоной, старшины «Кохинора» Юрия Соколова, Кати Куфтыревой. Взяли и меня. Договорились между собой на «посиделках» не выступать: повторить песню про Москву и колокола в таком составе невозможно, а готовить и репетировать специальный номер не сочли нужным.

В назначенное время мы встретились в вестибюле Дома актера, поднялись на восьмой этаж и прошли в гостиную, где за столиками уже сидели известные народные артисты. Столы сервировали вазами с фруктами и бутылками с газировкой, водкой и шампанским.

Как только нас усадили за предназначенный нам столик возле дверей, Покровский уверенно распечатал бутылку и разлил ее по рюмкам. Чокнулись, выпили, повторили. Через две минуты бутылки были пусты, а на столе валялись шкурки от апельсинов, что антихудожественно выделяло наш стол из среды остальных нетронутых натюрмортов. Увидев эту «декорацию», Маргарита Александровна слегка изменилась в лице, но виду не подала, а сделала знак официанту, моментально убравшему очистки и заново накрывшему наш стол.

Ведущая программу Маргарита Александровна умело активизировала присутствующих актеров. «Игорек, — говорила она Игорю Кваше, — а помнишь, как ты однажды читал нам «Стихи о советском паспорте»? «Когда? — делал удивленное лицо Кваша. — Этого не было. Но если вы хотите, могу прочесть». И с мастерством народного СССР читал. После него «импровизировал» Олег Табаков, затем Эдуард Станиславович Радзинский как бы невзначай вспоминал эпизоды из жизни Ивана Гроз-

ного, при которых он, вероятно, присутствовал, так как они изобиловали бытовыми подробностями.

В гостиную курить воспрещалось, и мы с Игорем Покровским выходили для этого на лестницу. Он всякий раз начинал рассказывать какую-то неясную историю про присутствующего здесь же главного режиссера Большого театра Бориса Александровича Покровского. Из этих маловнятных эпизодов я так и не понял, то ли Борис Александрович лучший друг и родной брат Игоря Александровича, то ли просто однофамилец, а то ли злейший враг, а может, первое и второе одновременно.

Когда после очередного перекура мы возвращались в гостиную через телевизионную прихожую, ко мне подлетела крупная девица, ассистент режиссера, принявшая меня за старшего по группе (ведь я был единственный трезвый). «Так, — скороговоркой проговорила она, — после Сличенко идут архитекторы. Приготовьтесь». «Как? Мы же не выступаем», — сказал я в пустоту — девица уже смылась.

Здесь Маргарита Александровна, которая и не подозревала, что мы пришли с пустыми руками, сообщила присутствующим, что среди гостей находятся ее любимцы — архитекторы, невероятно одаренные и артистичные

люди, которые сейчас порадуют всех своим талантом и тонким вкусом. Народные СССР вяло похлопали.

Моих коллег это не напугало. Более того, на их лицах было написано: «Выступить без репетиции?

Элементарно! Сейчас что-нибудь сбациаем!» «Я сейчас спою, — сказал Юра Соколов, — Хейфец, пошли». «Никуда я не пойду, — заупрямился Хейфец, — я себя плохо чувствую». «Я буду аккомпанировать», — заявил Игорь и к моему ужасу направился к роялю. Но там уже стояла Катя Куфтырева, держа в руке «Девочку с персиками». Сообщив присутствующим, что картину она нарисовала сама, тут же начала жаловаться на какие-то непонятные для аудитории трудности в сфере согласований архитектурно-проектных работ. Никто ничего не понял, но свою страстную речь Катя закончила таким мощным аккордом: взяв из рук Игоря Кваша бокал с вином, она подняла его над головой и громко выкрикнула: «Так выпьем же за то, чтобы сгинули со света все эти Либсоны и Якобсоны!» В воздухе повис тяжеленный камень.

Большинство присутствующих не были антисемитами, скорее основной процент составляли люди, к национальности которых как раз и принадлежали не известные никому (кроме Кати) Либсоны и Якобсоны.

Здесь Покровский заиграл на рояле спотыкающийся «Полонез Огинского». А Юра Соколов, красиво опершись на рояль, сообщил присутствующим, что в «Кохиноре» он является основным солистом и автором буквально всего, что самая любимая песня «Сердце, тебе не хочется покоя». Сейчас он порадует его присутствующих, но слова в ней комические, написал он их лично на эту прекрасную мелодию. Действительно, все последние годы Юра безжалостно эксплуатировал мелодию и слова этой песни: «Сердце, тебе не хочется покоя»; «Ельцин, тебе не хочется покоя»; «Герцен, тебе не хочется покоя». Тогда он намеревался порадовать куплетами «Хейфец, тебе не хочется покоя». Сделать это под «Полонез Огинского» в переложении Покровского для фортепиано было трудно, и я стал умолять Хейфеца идти к роялю. Уговорил. Хейфец выругался и заиграл вступление, а Юра, подражая Леониду Осиповичу Утесову, запел. Всей песни я не помню, но когда Юра дошел до припева: «Хейфец, тебе не хочется покоя, Хейфец, ты самый лучший в мире жид», — в зале стало необыкновенно холодно и тихо. Юра допел песню до конца и, не дожидаясь аплодисментов, сказал: «Учитывая, что наше выступление вам нравится, мы с Риммой споем еще!» Я толкнул Римму в бок. «Что? Кто? Я не буду!» — простонала Римма. Но куда деваться? Юра уже объявил, что они споют песенку «Дорогие мои москвичи» на музыку Дунаевского и на слова, написанные опять же Юрой. Пришлось Римме петь. Римма очень артистична, и ее вокальное мастерство слегка поправило ситуацию. При словах: «Лужков в кепке в прорубь ныряет и не тонет, а сверху плывет», публика ехидно похихикивала и даже слегка похлопала. На этом вечер закончился.

Правда, при трансляции этих «театральных посиделок» выступление архитекторов отрезали. Может, ввиду пресловутого ограниченного формата передачи, а может, и по какой другой причине. Видимо, суждено этим видеоматериалам лежать на полках запасников, дожидаясь своего часа. Глядишь, и дождутся. А может, с годами станут «золотым фондом» и по ним будет учиться молодежь. Чем черт не шутит? Кстати, нас больше не приглашали...

Юрий Мурзин

Благодарим за поддержку и помощь в организации вечера, посвященного 50-летию «Кохинора» и «Рейшинки», архитекторов:

- А.В. Бокова, Д.В. Величина,
- Н.Н. Голованова, Г.А. Донцова,
- Р.Г. Кананина, А.М. Карповского,
- М.А. Карповского, С.Б. Киселева,
- М.Г. Крихели, А.В. Кузьмина,
- Б.В. Левянта, Ю.П. Платонова,
- Г.А. Путникова, В.В. Стейскала,
- М.Д. Хазанова

Правление ЦДА